Нарышкина Р. Л. Доверительная собственность в гражданском праве Англии и США. М., 1965.

Невинский В. В. Коррупция в России: системные меры противодействия // Журнал российского права. 2017. № 1.

Роль предпринимательских структур в противодействии коррупции: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. Г. Семилютин, Е. И. Спектор. М., 2012.

Семилютин Н. Г. Предпринимательские объединения в борьбе с коррупцией // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 4.

Состояние и динамика бытовой коррупции в Российской Федерации

СИДОРЕНКО Элина Леонидовна, заведующая лабораторией криминологического анализа и прогнозирования Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук 117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34
E-mail: 12011979@list.ru

В работе проводится анализ бытовой коррупции как особой социальной практики взаимоотношений взяткодателя — физического лица с публичным сектором по поводу возмездного ускорения или улучшения качества предоставляемых ему социальных услуг. В статье формируются ряд новых научных положений, способных составить основу мониторинга бытовой коррупции на федеральном и региональном уровнях. В первую очередь, речь идет об определении бытовой коррупции и ее основных криминологических параметрах, а равно о разработке методики статистического анализа коррупции. На основе изучения общественного мнения и обобщения данных о динамике, структуре и географии бытового взяточничества формируется ряд интересных выводов относительно качественной трансформации и усложнения коррупции, вытеснения бытового сегмента экономическим, повышения уровня организованности преступности. Вместе с тем отмечается, что в настоящее время выявлено заметное сокращение бытовой коррупции при усложнении форм преступной деятельности в сфере регистрации недвижимости и в сфере образования.

Фактически автор расширил функциональное направление исследования коррупции за счет оценки не только криминологических, но и социально-экономических параметров. В работе излагается авторская методика комплексного анализа коррупции и разрабатываются прогнозы ее развития на краткосрочную и среднесрочную перспективы.

Комплексность анализа бытовой коррупции была обеспечена за счет применения совокупности общенаучных и частнонаучных методов познания, что позволило выявить системные свойства бытовой коррупции и обозначить ее основные динамические тренды.

Ключевые слова: коррупция, бытовая коррупция, динамика, структура, коррупционные риски, география коррупции, взяточничество.

Condition and Dynamics of Petty Corruption in the Russian Federation

E. L. SIDORENKO, head of the Laboratory of criminological analysis and forecasting of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, professor at the Department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation 34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218
E-mail: 12011979@list.ru

The analysis of domestic corruption as a special social practice of the relationship between the bribe-taker — a physical person and an official regarding the acceleration or improvement of the quality of the provided social services for a certain remuneration — is conducted in the work. The article forms a number of new scientific provisions that can form the basis for monitoring petty corruption at the federal and regional levels. First of all, we are talking about the definition of petty corruption and its main criminological parameters, as well as the development of a methodology for statistical analysis of corruption.

Based on the study of public opinion and the generalization of data on the dynamics, structure and geography of domestic bribery, a number of interesting conclusions are drawn concerning the qualitative transformation and complication of corruption, the displacement of the economic segment by economic ones, and the increase in the level of organized crime.

At the same time, the author notes a noticeable reduction in petty corruption with the complication of forms of criminal activity in the areas of real estate registration, external migration, preschool and secondary education.

It expands the functional direction of investigating corruption by assessing not only criminological, but also social and economic parameters. The work outlines the author's methodology for a comprehensive analysis of corruption and develops forecasts of its development for the short and medium term.

Complex analysis of petty corruption is ensured through the application of a set of general scientific and private scientific methods of cognition. Their combined use made it possible to reveal the systemic properties of domestic corruption and to identify its main dynamic trends.

Keywords: corruption, petty corruption, dynamics, structure, corruption risks, geography of corruption, bribery.

DOI: 10.12737/article_59240d4b35c386.05320634

Повышенное внимание к проблеме бытовой коррупции объясняется ее заметной качественной и количественной трансформацией. Высокие экономические потери, сопровождающие рост коррупционной преступности, повсеместная «монетизация» государственных услуг и социальная мимикрия бытового взяточничества красноречиво свидетельствуют, что проводимая в настоящее время политика ужесточения уголовной ответственности за коррупцию не может привести к желаемым результатам вне рамок учета современных криминологических, социальных и экономических параметров бытовой коррупции.

Основным препятствием на пути создания комплексной картины этого сегмента преступности является отсутствие единого согласованного понимания самой бытовой коррупции.

В современных научных работах под бытовой коррупцией понимается «низовой» уровень коррупционных проявлений, когда в преступные схемы вовлечены муниципаль-

ные служащие¹, административная коррупция², мелкое взяточничество (ст. 291² УК РФ, ст. 204² УК РФ) и др.

Причиной разночтений является использование авторами различных критериев ранжирования преступлений: в первом случае — статуса взяточполучателей; во втором — характера правонарушения, а в третьем — размера взятки. Не ставя под сомнение предложенные определения, сложно согласиться с ними в контексте бытовой коррупции как таковой.

В этимологическом значении быт — это «уклад повседневной жизни, внепроизводственная сфера, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей (в пище, жилище, поддержании

¹ См.: Мигущенко О. Н. Проблема предупреждения коррупционного поведения муниципальных служащих // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2015. № 2. С. 16—19.

² См.: Бесчастнова О. В. Основы антикоррупционного поведения. Астрахань, 2015. С. 18.

здоровья), так и освоение духовных благ, отдых, развлечение».

Таким образом, понимание быта непосредственно связано с производственной сферой жизни человека, а следовательно, определение бытовой коррупции должно опираться на личность не взяточполучателя, а взяткодателя, удовлетворяющего свои повседневные потребности коррупционным путем.

В рамках предложенного понимания бытовой коррупции можно выделить следующие ее системные свойства:

1) ограниченность субъектного состава физическими лицами, не обладающими статусом индивидуально-предпринимателя. Данный критерий позволяет отграничить бытовую коррупцию от экономической в случаях, когда последняя осуществляется на низовом уровне и сопряжена с мелким взяточничеством муниципальных чиновников. Тот факт, что в большинстве случаев бытовая коррупция связана с дачей взятки (коммерческого подкупа) в размере до 10 тыс. руб., позволяет некоторым специалистам ограничивать ее статистические границы деяниями, предусмотренными ст. 291² УК РФ. Данный подход является ошибочным хотя бы на том основании, что около 20% общего объема мелкого взяточничества напрямую связано с предпринимательской деятельностью небольших компаний и индивидуальных предпринимателей;

2) направленность на удовлетворение внепроизводственных нужд взяткодателей. В отличие от корпоративной коррупции, подчиненной законам экономического развития, бытовая коррупция имеет преимущественно социальный характер и позволяет определить наиболее уязвимые места в системе оказания социальных услуг населению со стороны как государственных органов, так и коммерческих (некоммерческих) организаций;

3) особенности развития коррупционных отношений не позволя-

ют ограничивать изучаемое явление только уголовно наказуемой коррупцией. Устойчивой тенденцией последнего десятилетия является рост числа случаев подкупа лиц, не обладающих специальным правовым статусом, в целях выполнения ими возложенных на них служебных функций. Отсутствие признаков специального субъекта не позволяет квалифицировать такие деяния как получение взятки либо коммерческий подкуп, а отсутствие признаков обмана не дает оснований для вменения состава мошенничества (ст. 159 УК РФ). Соответственно, данные коррупционные схемы находятся за рамками уголовного законодательства, но при этом не теряют криминологических свойств бытовой коррупции; скорее, напротив, обеспечивают ее высокую латентность и формируют ресурсную основу уголовно наказуемой коррупции.

Таким образом, под *бытовой коррупцией* в контексте настоящего исследования предлагается понимать совокупность противоправных отношений физического лица как потребителя коррупционной услуги с должностным лицом либо руководителем коммерческой (некоммерческой) организации как производителем коррупционной услуги в целях обеспечения оперативности и эффективности удовлетворения физическим лицом его непроизводственных потребностей.

В зависимости от характера используемых схем можно выделить три основные модели бытовой коррупции:

1) коррупция — действие. В этом случае лицо за дополнительное вознаграждение совершает действия, которые входят в его должностные либо служебные обязанности. В данную группу входят как уголовно наказуемые деяния, так и действия, не являющиеся взяточничеством в рамках гл. 30 УК РФ. По экспертным оценкам, в 60% случаев имеют место поборы при различного рода регистрациях, когда подкупаются лица,

Таблица 1

Состояние и динамика преступлений коррупционной направленности

Годы	2014	2015	2016
Количество сообщений о преступлении	41 030	38 367	35 040
Возбуждено уголовных дел	25 489	24 773	23 050
Отказано в возбуждении уголовных дел	13 624	11 921	9945

не обладающие должностным статусом за совершение действий, входящих в их служебные обязанности, с целью ускорения процедуры;

2) коррупция — бездействие. Эта модель основана на отказе должностного лица либо руководителя организации от осуществления действий, входящих в его обязанности, за вознаграждение со стороны физического лица (например, отказ от составления протокола об административном правонарушении, отказ от возбуждения уголовного дела и др.). В отличие от первой модели схема «коррупция — бездействие» предполагает наличие у получателя подкупа соответствующего статуса должностного лица или управленца организации;

3) коррупция — сверхдействие. Предполагает совершение в интересах физического лица действий, выходящих за рамки «законопослушной программы». В этом случае должностное лицо за вознаграждение злоупотребляет своими полномочиями либо превышает их; например, предоставляет дополнительные социальные льготы, списывает долг по коммунальным платежам, необоснованно предоставляет квоту на операцию и др.

К сожалению, современная система государственной статистики не ведет отдельный учет бытовой коррупции, что, однако, не препятствует ее системной оценке в рамках условно определенной системы координат. В качестве таковых можно назвать общий уровень бытовой коррупции, количество обращений граждан по факту совершения коррупционных преступлений, показатели прокурорского реагирования на

заявления о совершении коррупционных преступлений в социальной сфере, динамику и структуру мелкого взяточничества, субъектный состав коррупционных преступлений и средний размер взятки (коммерческого подкупа).

Являясь составной частью уголовно наказуемой коррупции, она подчинена основным криминологическим трендам ее развития.

Согласно данным официальной статистики (форма 1-Корр) наблюдается линейное сокращение преступлений коррупционной направленности. Свидетельством объективности данного процесса является пропорциональное сокращение численности заявлений о совершении преступлений коррупционной направленности. Если в 2014 г. их численность составила 41 тыс., то в 2016 г. было зарегистрировано на 14,5% меньше. Количество зарегистрированных преступлений при этом сократилось на 10%, а количество отказов в возбуждении уголовных дел — на 27% (табл. 1).

Таким образом, в целом наблюдается благоприятная динамика снижения коррупции за счет объективного сокращения численности преступлений. Вместе с тем увеличение объемов материального вреда (прирост в 2016 г. + 100%) говорит о качественной трансформации коррупции, когда ее низовой бытовой сегмент уступает место «верхушечной» экономической коррупции.

На фоне сокращения численности сообщений о совершении коррупционных преступлений уменьшается и число возбужденных дел при сохранении в среднем позитивного соотношения уголовных дел и количества заявлений (2 : 3). Однако, если срав-

**Динамика привлечения к дисциплинарной ответственности
в рамках прокурорского надзора за исполнением законодательства
о противодействии коррупции**

Годы	2012	2013	2014	2015	2016
Представительные органы субъектов РФ	14	23	12	11	15
Органы исполнительной власти субъектов РФ	2123	1889	2045	2147	2020
Представительные органы местного самоуправления	1992	1435	1668	1743	2231
Исполнительные органы местного самоуправления	36 386	36 034	38 980	40 471	32 224
Государственные и муниципальные учреждения	7615	12 251	19 084	17 972	13 810
Государственные корпорации	3	25	29	20	9
Региональные представительства федеральных министерств и ведомств	11 070	13 711	12 023	13 182	12 828

нивать данные цифры с показателями соотношения возбужденных дел по всем статьям УК РФ и числом заявлений (1 : 20), становится очевидно, что при выявлении коррупционных преступлений правоохранительные органы предпочитают работать на основе оперативных данных по «подготовленным» сценариям, что автоматически исключает из числа регистрируемых преступлений факты дачи и получения мелких взяток, поскольку по таким случаям оперативно-розыскные мероприятия, как правило, не проводятся.

Общие представления об уровне бытовой коррупции дает и анализ результатов прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции.

Принимая во внимание то обстоятельство, что основной объем бытовой коррупции составляет деятельность лиц, не наделенных соответствующим правовым статусом, представляется целесообразным включить в анализ динамику привлечения к дисциплинарной ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства (табл. 2).

Как показывают результаты прокурорского надзора, за последние пять лет сохранено соотношение по-

казателей привлечения к дисциплинарной ответственности чиновников и представителей государственных (муниципальных) учреждений.

Высокие коррупционные риски отмечаются в исполнительных органах местного самоуправления и органах исполнительной власти субъектов РФ. Это объясняется тем, что в отличие от экономической коррупции бытовая ориентирована на поиск оптимальных способов получения социальной услуги, предоставляемой, как правило, органами исполнительной власти.

Но если пик числа зарегистрированных преступлений коррупционной направленности пришелся на 2014 г., наибольшее количество дисциплинарных производств по нарушению антикоррупционного законодательства было отмечено в 2015 г., что может свидетельствовать о некотором статистическом отставании вследствие продолжительности прокурорских проверок и поздней фиксации их результатов.

Особый интерес вызывает соотношение фактов привлечения к дисциплинарной и уголовной ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства в социальной сфере. Так, согласно результатам прокурорских проверок

Таблица 3

**Соотношение численности коррупционных факторов
и фактов привлечения к административной и уголовной ответственности
(2016 г.)**

	Привлечение к дисциплинарной ответственности	Выявлено коррупционных факторов	Возбуждено уголовных дел по материалам, направленным прокурором
Представительные органы субъектов РФ	15	102	1
Органы исполнительной власти субъектов РФ	2020	1863	45
Представительные органы местного самоуправления	2231	18 273	9
Исполнительные органы местного самоуправления	32 224	35 284	389
Региональные представительства федеральных министерств и ведомств	12 828	13 482	1454

(форма К(501)) о выявленных коррупционных факторах и количестве возбужденных дисциплинарных и уголовных дел самым высоким уровнем латентности обладает коррупция в органах представительной власти субъектов РФ и местного самоуправления.

В первом случае показатель соотношения выявленных коррупционных факторов и дисциплинарной ответственности находится в границах 1 : 7, а в соотношении с уголовной ответственностью — 1 : 100. На муниципальном уровне соотношение коррупционных факторов дисциплинарной ответственности составляет 1 : 8, а к преступлениям — 1 : 2000.

Поскольку бытовая коррупция непосредственно связана со сферой исполнительной власти, есть основание полагать, что уровень ее латентности находится в границах 1 : 50. То есть на один зарегистрированный случай бытовой коррупции приходится 50 реально совершенных деяний (табл. 3).

В криминологической литературе называются и иные показатели

латентности, построенные преимущественно на основе анализа общественного мнения. В одних работах утверждается, что средний коэффициент латентности коррупционных преступлений находится в границах 10³, в других работах — 100⁴; в третьих — в пределах 2000⁵.

Но, несмотря на высокий уровень латентности бытовой коррупции, есть основания для вывода о ее существенном сокращении на фоне активного развития экономического взяточничества. Такая модель трансформации коррупции хорошо известна западным криминологам, установившим обратную зависимость между развитием экономики и динамикой бытовой коррупции.

³ См.: Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 2014. С. 249.

⁴ См.: Воронин Ю. А. Коррупционная преступность в системе государственной и муниципальной службы // Чиновник. 2006. № 2. С. 12.

⁵ См.: Преступность в России. Аналитическое обозрение. М., 2007. С. 3.

Развитие инфраструктуры услуг за счет вложения инвестиций в экономику облегчает доступ граждан к социальным услугам, но с неизбежностью порождает конкуренцию между хозяйствующими субъектами на рынке товаров и услуг. Будучи заинтересованными в развитии бизнеса, они используют коррупционные схемы для защиты и продвижения своих интересов. Таким образом, освобождаящий ареал бытовой коррупции замещается экономическим сегментом.

В отличие от бытовой экономической коррупция имеет преимущественно организованный характер; затрагивает представительные органы власти и причиняет значительный материальный ущерб. Кроме того, она, как правило, сопряжена с коммерческим подкупом, легализацией преступных доходов и мошенничеством, предполагает развитие посреднических услуг и имеет некоторые закрытые зоны, недоступные бытовой коррупции (сфера государственных закупок, внеэкономическая деятельность, оборона и др.).

Знание типовых качеств экономического взяточничества позволяет с высокой долей точности говорить о его динамике. Так, согласно данным официальной статистики, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. были отмечены следующие тенденции: на 15,6% увеличилась доля преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере; на 16,3% возросла организованная коррупция; на 80,4% увеличилась доля представителей законодательной ветви власти при одновременном сокращении на 43% представителей органов исполнительной власти.

Отмечена положительная динамика касательно мошенничества коррупционной направленности (12,3%), легализации преступных доходов (43%) и посредничества во взяточничестве (23,4%). Однако наибольшую тревогу вызывает тот факт, что на фоне относительно стабильной

динамики регистрации коррупционных преступлений на 79,5% возрос размер причиненного ими материального вреда.

С учетом усредненных показателей отклонения динамики преступлений, совершаемых преимущественно в экономической сфере, можно говорить о том, что при сохранении количественных параметров коррупции она подвергается внутренней трансформации за счет сокращения бытового сегмента и роста экономического в среднем на 23%. А принимая во внимание, что отмеченные выше тенденции фиксировались и два года назад, есть все основания для вывода об устойчивости динамики сокращения бытовой коррупции.

Однако снижение количественных показателей динамики бытовой коррупции вовсе не означает утрату ею общественной опасности. Скорее, напротив, спад регистрации преступлений нередко свидетельствует о негативной качественной трансформации преступности.

В связи с этим чрезвычайно информативны такие качественные показатели бытовой коррупции, как индекс коррупционной пораженности, типичность коррупционных проявлений, цена преступности, транзакционные издержки и др.

Под *индексом коррупционной пораженности* понимается отношение числа лиц, выявленных в течение определенного времени в связи с получением взятки (коммерческого подкупа) в общей численности служащих этого органа или организации.

Как показало проведенное исследование, самым высоким индексом криминальной пораженности отмечены (в порядке убывания) правоохранительные органы, государственные и муниципальные учреждения, муниципальные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ и др.

В основу анализа были положены данные о привлечении лиц как к уголовной, так и к административной ответственности. Так, в 2016 г. дисциплинарное производство в связи с нарушением антикоррупционного законодательства было возбуждено в отношении лиц из представительных органов власти субъектов РФ (15), исполнительных органов власти субъектов РФ (2020), представительных органов местного самоуправления (2231), исполнительных органов местного самоуправления (32 224), государственных и муниципальных учреждений (13 810), государственных корпораций (9), федеральных министерств и ведомств (12 828).

К уголовной ответственности за коррупционные преступления по представлениям прокуроров были привлечены представители законодательных органов власти субъектов РФ (1), органов исполнительной власти (45), представительных органов местного самоуправления (9), муниципальных исполнительных органов (389), государственных и муниципальных учреждений (897), федеральных министерств и ведомств (1454).

Показателен дисбаланс привлеченных к дисциплинарной и уголовной ответственности представителей муниципальных исполнительных органов и государственных и муниципальных учреждений. Если первые лидируют по количеству дисциплинарных производств, то вторые — по числу возбужденных уголовных дел, что дает основания для следующего вывода: в сфере муниципальных органов бытовая коррупция имеет преимущественно форму «коррупция — действие», когда служащий лишь ускоряет регистрацию. Что касается представителей государственных и муниципальных учреждений, то они действуют в рамках модели «коррупция — сверхдействие», злоупотребляя своими полномочиями либо превышая их (устройство ребенка в детский сад, школу, получение вознаграж-

дения за положительную оценку на экзамене и др.).

Многие из выявленных выше закономерностей находят подтверждение в независимых социологических работах. Так, по данным М. В. Новоконова и А. А. Русановой, рейтинг «нечестности» работы органов власти и социальных учреждений в глазах респондентов выглядит следующим образом: служба безопасности дорожного движения — 62,4%; коммунальные службы — 60%; муниципальная власть — 58%; правоохранительные органы (полиция, прокуратура) — 50%; высшие учебные заведения — 40,4%; районные и окружные суды — 36,8%; поликлиники и больницы — 32%; собесы, службы занятости, другие социальные учреждения — 30,8%; средние школы, училища, техникумы — 26% и др.

Как отмечают авторы, каждый третий респондент затруднился оценить органы власти, но при этом 49% из них признали, что «время от времени» попадают в потенциально коррупционную ситуацию⁶.

Одним из наиболее стабильных качественных показателей бытовой коррупции является *типичность коррупционных проявлений*, т. е. отношение видов выявляемых преступлений к структуре преступлений коррупционной направленности в целом.

К сожалению, существующая статистика дает отрывочные сведения о типовом коррупционном поведении. Вместе с тем некоторые из показателей позволяют заключить, что наиболее распространенными преступлениями коррупционной направленности являются основные индексные преступления: злоупотребление должностным положением, превышение должностного положения, по-

⁶ См.: Номоконов М. В., Русанова А. А. Бытовая коррупция в ракурсе социологического анализа: региональный аспект // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2. С. 254—257.

**Типичность коррупционных проявлений
в правоохранительных органах Российской Федерации**

Статья УК РФ	Проку- ратура	СК	МВД	ФСБ	ФСКН	ФТС	ФСИН	ФССП	ФСПБ
ст. 285	1	5	2275	4	0	11	151	57	26
ст. 286	3	11	322	1	23	13	180	29	3
ст. 290	14	14	659	26	4	47	392	62	59
ст. 291 ¹	3	0	24	2	0	0	0	0	0
ст. 292	0	7	367	2	6	26	50	202	23

лучение взятки и служебный подлог (табл. 4).

Согласно полученным данным наибольший уровень бытовой коррупции отмечается среди представителей органов внутренних дел. Данный вывод подтверждается данными о количестве сотрудников полиции, привлеченных к дисциплинарной ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства (6864 человека).

Посредничество во взяточничестве было выявлено только среди представителей МВД и ФСБ, что свидетельствует о высокой степени организованности преступных схем. Однако наиболее информативными представляются данные о преступлениях, предусмотренных ст. 285, 286 и 287 УК РФ. Они, как правило, идут «в связке» с подкупом, формируя модель «коррупция — сверхдействие».

Понимая условность предлагаемой конструкции, тем не менее считаем возможным предположить, что при совершении коррупционных преступлений к злоупотреблению должностными полномочиями прибегают сотрудники полиции, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы безопасности и пожарной службы. Для сотрудников Следственного комитета, органов прокуратуры и ФСКН России характерна коррупционная схема, основанная на превышении должностных полномочий, а для судебных приставов и таможенных органов — служебный подлог.

Устойчивость распределения правоохранительных органов в зависимости от частоты совершения их сотрудниками коррупционных преступлений дает основание для вывода о наличии устойчивых моделей оказания коррупционных услуг населению в зависимости от деятельности некоторых правоохранительных структур.

Так, устойчивой коррупционной моделью у органов, обеспечивающих безопасность, является злоупотребление должностными полномочиями, а у органов, осуществляющих контрольные функции, — служебный подлог.

Интересной представляется и география бытовой коррупции.

Исследование динамических рядов зарегистрированных преступлений и выявленных лиц в период с 2008 г. по 2016 г. в их соотношении с экономическими и социальными показателями благополучия населения отдельных регионов выявили устойчивую корреляционную зависимость (+0,7) между уровнем коррупции, с одной стороны, и уровнем внутреннего валового продукта и объемом федеральных бюджетных средств — с другой. Это говорит о том, что коррупция в дотационных регионах по-прежнему имеет потребительский характер и развивается в рамках отношений «чиновник — гражданин», в то время как в инвестиционно привлекательных и экономически развитых регионах развивается экономическая коррупция.

Косвенным подтверждением данного вывода является соотношение регионов по показателям коррупционной и экономической преступности. Например, Центральный федеральный орган, являющийся лидером по темпам экономического роста и вкладываемых инвестиций, занимает третье место по удельному весу преступлений экономической направленности и только седьмое место по уровню коррупции.

В качестве примера можно привести и такие инвестиционно привлекательные регионы, как Москва, Московская область и Краснодарский край, где большой объем частных инвестиций привел к стремительному развитию бизнес-коррупции и сокращению бытового взяточничества. Не случайно основная доля преступных доходов в этих регионах приходится на сферы государственных закупок.

Нельзя обойти вниманием и такие качественные показатели бытовой коррупции, как транзакционные издержки и криминологические риски.

Показатель транзакционных издержек основывается на экономической концепции коррупции. Согласно данной теории коррупция — это экономические отношения, возникающие как результат несбалансированной реализации экономических интересов акторов, при котором один из них, используя свое положение в виде потенциальной статусной ренты, принуждает другого к передаче ему всей или части материальной или нематериальной выгоды⁷.

В предлагаемом контексте оценка состояния коррупции может быть осуществлена на основе анализа ее экономической «выгодности», т. е. соотношения пользы и издержек коррупционного поведения. На макроуровне это соотношение может быть представлено в виде индекса тран-

закционных издержек, представляющего собой соотношение объемов причиненного и возмещенного вреда.

В 2016 г. размер причиненного ущерба в результате совершения преступлений коррупционной направленности составил 22 393 205 тыс. руб., тогда как размер возмещенного ущерба был равен 2 761 841 тыс. руб., т. е. 1/10 объема причиненного вреда.

В 2014 г. соотношение причиненного и возмещенного вреда составляло 1 : 3, а в 2015 г. — 1 : 8. На фоне заметного сокращения объемов причиненного вреда растет разрыв между причиненным и возмещенным вредом, что говорит о высокой привлекательности коррупционного поведения со стороны государственных и муниципальных служащих. А принимая в расчет высокий уровень латентности бытового взяточничества, этот показатель может быть умножен на десятки раз.

Таким образом, с позиции транзакционных издержек бытовая коррупция в России может рассматриваться как экономически выгодный способ решения вопросов.

Этот вывод подтверждается и результатами проведенного нами интернет-опроса.

На вопрос: «Считаете ли Вы коррупцию выгодным способом разрешения бытовых ситуаций?» 67% респондентов ответили положительно, 20% — отрицательно и 13% затруднились с ответом. Показательно, что в вопросе о приемлемости для самого респондента коррупционной схемы голоса распределились следующим образом: «прибегаю к коррупции» — 27%; «рассматриваю такую возможность в случае крайней необходимости» — 46%; «считаю коррупцию для себя неприемлемой» — 17%; «затрудняюсь ответить» — 10%.

К интересным заключениям приводит и оценка криминологических рисков бытовой коррупции. Под ними понимается соотношение зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, совершивших пре-

⁷ См.: Юхачев С. П. Коррупция как экономические отношения социума: дис. ... д-ра экон. наук. Тамбов, 2010. С. 5.

ступления коррупционной направленности.

По данным официальной статистики (форма 1-Корр ГИАЦ МВД РФ), по преступлениям, предусмотренным ст. 290 УК РФ, ежегодно регистрируются в среднем 7900 деяний, но выявляются только 2000 лиц, получивших взятку. Таким образом, риск быть осужденным за получение подкупа составляет в России 1 : 4, что является самым низким показателем результативности выявления коррупции по сравнению с европейскими странами.

Заметно выше показатели риска выявления за дачу взятки. Среднегодовой показатель регистрации преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ, составляет 5300 деяний, а показатель выявляемости лиц — 3800. Таким образом, риск быть выявленным по данной категории преступлений составляет 2 : 3.

Приведенные данные свидетельствуют о высоком уровне искусственной латентности коррупции и указывают, что коррупционное поведение по-прежнему сохраняет свои позиции как экономически выгодной модели поведения, ибо предполагаемые доходы от преступной деятельности значительно превышают возможные риски привлечения к уголовной ответственности.

Важным элементом в оценке состояния бытовой коррупции является *показатель коррупционной виктимности*, позволяющий определить типовые ситуации вымогательства или завуалированного требования взятки со стороны государственных или муниципальных служащих.

На основе результатов интернет-опроса был составлен следующий рейтинг виктимных ситуаций: урегулирование ситуации с Госавтоинспекцией — 41%; вызов скорой помощи — 40%; устройство в дошкольные учреждения — 40%; посещение поликлиники — 39%; обращение в коммунальные службы — 29%; государственная регистрация права — 27%;

регистрация по месту жительства — 27%; оформление социальных выплат — 23%.

Иная информация содержится в статистических данных о выявленных коррупционных фактах. Так, наибольшее количество коррупционных правонарушений отмечено в сфере государственных и муниципальных закупок. Однако, принимая во внимание, что данная сфера является ареалом экономической коррупции, можно говорить о том, что наибольший виктимологический потенциал бытового взяточничества сосредоточен в сферах предоставления государственных и муниципальных услуг, образования и ЖКХ (табл. 5).

Ввиду отсутствия отдельного статистического учета бытовой коррупции основной массив эмпирической информации формируется за счет социологических опросов, проводимых как государственными органами и научными центрами, так и общественными организациями. Не ставя под сомнение объективность и ценность заключенной в социологических исследованиях информации, нельзя не отметить, что в большинстве случаев ученые ограничиваются двухмерной оценкой коррупции, принимая во внимание отношение к ней самого респондента.

Более ценным, однако, видится анализ, слагаемый из трех основных параметров: понимание коррупции респондентом, оценка им своей готовности участвовать в коррупционной схеме и оценка готовности окружающих дать взятку.

Проведенный нами интернет-опрос показал, что более 95% опрошенных считают дачу взятки преступлением, но только 17% признали, что не готовы ее дать.

На вопрос «Как Вы оцениваете общественную опасность бытовой коррупции?» ответы распределились следующим образом: высокая общественная опасность — 12%; средняя общественная опасность — 31%; невысокая общественная опасность — 43%, не общественно опас-

Таблица 5

Структура коррупционных правонарушений по сферам правоприменения

Нарушение антикоррупционного законодательства по сферам правоприменения	Выявлено нарушений	Привлечено к дисциплинарной ответственности	Возбуждены уголовные дела
о государственной и муниципальной собственности	14 004	2 065	716
о закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд	33 373	7 416	285
об осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля	5 740	549	6
о предоставлении государственных и муниципальных услуг	14 220	1198	20
о ЖКХ	1751	321	119
о социальной защите	276	32	9
об образовании	2 788	445	35
об оборонно-промышленном комплексе	299	93	27
о бюджете	16 837	2825	741

ное деяние — 5%; затруднились с ответом 9%.

Тревогу вызывает то обстоятельство, что подавляющая доля опрошенных не воспринимают бытовое взяточничество как серьезное преступление и не рассматривают угрозу уголовной ответственности как эффективный сдерживающий фактор.

Уклон в сторону самооправдания замечен при сравнении ответов на вопрос о собственной готовности и готовности окружающих дать взятку.

В первом случае утвердительно ответили 23% респондентов, а во втором — 78%. Эти цифры являются наглядным свидетельством, что бытовая коррупция воспринимается населением как привычная повсеместная практика, к которой прибе-

гает большинство населения в целях ускорения или улучшения качества социальных услуг.

В дополнительной научной оценке нуждается и политический аспект бытовой коррупции. И хотя он выражен в меньшей мере, чем политическая составляющая экономической коррупции, тем не менее он позволяет выявить ряд интересных закономерностей в динамике бытового взяточничества.

Так, сравнение динамических рядов преступлений коррупционной направленности и структуры власти позволяет заключить, что основной объем бытовой коррупции сосредоточен на уровне муниципальной власти (22%), муниципальных учреждений образования и здравоохранения (37%), исполнительных органов

Средний размер взятки и коммерческого подкупа (тыс. руб)

Годы	2013	2014	2015
Коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ)	618	175	445
Взятка (ст. 290)	145	139	212

субъектов (12%) и государственных учреждений образования и здравоохранения (29%).

Обращает на себя внимание приобретение коррупцией очагового характера. Она сосредоточена только в точках «пиковой заинтересованности» граждан в получении социальной услуги, что позволяет успешно выявлять коррупционные риски и предупреждать их через создание дистанционного документооборота и ограничение контактов граждан с производителем социальных услуг.

В пользу данного вывода говорит заметное сокращение числа коррупционных преступлений в регионах, где активно внедряется служба «одного окна» и многофункциональные центры. Исключение очного знакомства потребителя и производителя услуги значительно сокращает риски дачи и получения взятки, но побуждает чиновников изобретать более сложные коррупционные схемы с привлечением посредников.

Именно это обстоятельство объясняет существенный рост случаев посредничества во взяточничестве (с 298 преступлений в 2014 г. до 774 — в 2016 г.).

Следует обратить внимание и на тот факт, что повышение уровня антикоррупционного образования чиновников вопреки ожиданиям привело к повышению уровня коррупции. Данная закономерность подтверждает вывод, что коррупционное поведение в России является устойчивой формой социальной активности, а антикоррупционное образование используется взяточполучателями для усложнения и совершенствования преступных схем.

В целом исследование политического компонента бытовой корруп-

ции позволило говорить о ее институализации на уровне муниципальных органов и органов исполнительной власти субъектов РФ ввиду несовершенства системы государственного контроля за муниципальными чиновниками.

Общие представления о распространении бытовой коррупции дадут и динамика среднего размера взятки и коммерческого подкупа (табл. 6).

Увеличение суммы взятки на фоне роста показателей организованности взяточничества и усложнения преступных схем может рассматриваться как свидетельство вытеснения бытового сегмента экономической коррупцией и перехода должностной преступности на качественно новый криминальный уровень.

Корреляционное сравнение динамических рядов бытовой коррупции и отдельных социально-экономических показателей выявил ряд интересных криминологических закономерностей:

1) вопреки ожиданиям бытовое взяточничество не чувствительно к показателям политической стабильности и протестных настроений. Ключевым параметром здесь является стабильность низовых структур власти, обеспечивающих реализацию бытовых потребностей граждан (в первую очередь муниципальных органов исполнительной власти, государственных и муниципальных учреждений);

2) на фоне восприятия населением бытовой коррупции как привычного инструмента решения отдельных непроизводственных задач возрастает социальная нетерпимость к экономической коррупции, ориентированной преимущественно на высо-

кий и средний уровень чиновников и имеющей организованный характер;

3) в регионах с высокими экономическими показателями бытовое взяточничество выдавливается из сферы социальных услуг внедрением современных дистанционных способов документооборота и развитием экономической коррупции «чиновник — бизнес». Напротив, в дотационных субъектах РФ по-прежнему сохраняются высокие показатели бытовой коррупции «чиновник — гражданин»;

4) внедрение службы «одного окна» и дистанционных способов документооборота приводит к заметному сокращению фактов административно и дисциплинарно наказуемой коррупции в сфере исполнительной власти, но вместе с тем обусловило усложнение формы «коррупция — сверхдействие» в сфере представительной власти;

5) постепенно изменяются коррупционные рынки бытовой коррупции. При сохранении лидирующих позиций у образования, здравоохранения и сферы ЖКХ неуклонно растет число преступлений, совершаемых в сфере недвижимости, потребительского рынка и миграции. Во многом это объясняется ростом потребительского спроса на оформление земельных участков в связи с дачной амнистией, ростом внешней миграции

с одновременным усложнением миграционных требований и слабостью контроля за их соблюдением, а равно неустойчивостью потребительского рынка вследствие перехода на программу импортозамещения.

В целом отметим, что российская бытовая коррупция представляет собой сложную социальную практику отношений физического лица — потребителя коррупционной услуги и чиновника (руководителя коммерческой или некоммерческой организации) — производителя услуги по поводу оперативного, эффективного и качественного удовлетворения физическим лицом его непроизводственных потребностей за вознаграждение.

Как сложное социальное и криминологическое явление бытовая коррупция не ограничивается криминальной сферой и включает в себя три основные модели: «коррупция — действие», «коррупция — бездействие» и «коррупция — сверхдействие». Каждая из предложенных моделей имеет особый субъектный состав и коррупционный рынок.

При сокращении объемов регистрируемого бытового взяточничества наблюдается усложнение его форм в сфере регистрации недвижимости, миграции и деятельности государственных и муниципальных учреждений.

Библиографический список

- Бесчастнова О. В. Основы антикоррупционного поведения. Астрахань, 2015.
- Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 2014.
- Воронин Ю. А. Коррупционная преступность в системе государственной и муниципальной службы // Чиновник. 2006. № 2.
- Мигущенко О. Н. Проблема предупреждения коррупционного поведения муниципальных служащих // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2015. № 2.
- Номоконов М. В., Русанова А. А. Бытовая коррупция в ракурсе социологического анализа: региональный аспект // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2.
- Преступность в России. Аналитическое обозрение. М., 2007.
- Юхачев С. П. Коррупция как экономические отношения социума: дис. ... д-ра экон. наук. Тамбов, 2010.